

Необычный ракурс

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ. БЛИЗНЕЦ ПОД ЗНАКОМ СКОРПИОНА

Как долго тянется этот месяц! Как нестерпимо медленно идет Солнце по знаку Скорпиона. А много лет назад в нижегородской глуши был такой же темный бесконечный ноябрь. И вдруг — «Каменный гость», «Пир во время чумы», «Мы рождены, мой брат названный», «Из Barry Cornwall», «Для берегов отчизны дальней»... Это только ноябрь той удивительной осени 1830 года. И во всех этих произведениях явственно ощущается присутствие поэта, родившегося за 12 лет до Пушкина. В ноябре. Под знаком Скорпиона.

«Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал...» (Плетневу, 9 декабря 1830 г.). И из того же Болдина Наталья Николаевна: «Не смейтесь надо мною, я в бешенстве... Ваша любовь — единственная вещь, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка...»

Вынужденное затянувшееся пребывание в далекой осенней деревне, холерные карантин («У нас в окрестностях cholera morbus очень миленькая особа...»), одиночество, ощущение постоянного присутствия смерти — и небывалый творческий подъем.

Болдинская осень — это кризис. Она могла стать концом всего (объективно страшная ситуация осложнена тем, что для человека, родившегося, как Пушкин, под знаком Близнецов, нет ничего страшнее одиночества, необходимости бесконечного ожидания, невозможности вмешаться в ситуацию — в этом случае Близнецам действительно сопутствует состояние отчаяния, их преследуют мысли о самоубийстве). А могла Болдинская осень стать началом чего-то нового, доселе не виданного, если бы Пушкину была послана поддержка.

К счастью, произошло именно так: Близнецы — из любимых судьбой знаков. Рядом с Пушкиным — Друг. Его терзают те же «грозные вопросы морали» (выражение А. Ахматовой), проблемы супружеской верности при жизни и после нее, греха и возмездия, закона мировой мести... Этот Друг недавно женился, т. е. перешел тот роковой перевал, который так страшит Пушкина... И на все вопросы он дает ответ, причем такой, какого ждет измученное сердце Александра Сергеевича («...для сердца нужно верить...»), и дает ярко, образно.

Кто же этот Друг? Его нет в Болдине, он живет в далекой Англии и даже не знает о существовании Пушкина. Но перед русским поэтом лежит толстая книга, изданная в Париже в 1829 году, — «Избранные произведения Мильмана, Боулса, Вильсона и Барри Корнуолла». Вот именно Барри Корнуолл и станет верным другом Пушкина в Болдинскую осень, а спустя несколько лет — «последним литературным собеседником».

«Но я другому отдана и буду век ему верна» — ведь в этих словах (в Болдине написанных!) поэт заговаривает Судьбу, уверяет сам себя — и Корнуолл рядом, поддерживает в этой уверенности. Самое главное для Пушкина в Болдинскую осень — верить, что идеал Мадонны свят и незыблем. Корнуолл ставит своих героинь в самые разнообразные, подчас безысходные ситуации, но всегда женщина, несмотря ни на какие обстоятельства, остается верной супружескому долгу.

Вдова должна и гробу быть верна — в этих максималистских болдинских строках, так же как и в от-

вете Татьяны, слышится и голос Корнуолла. «Пью за здравие Мери», «Я здесь, Инезилья», «Заклинание», «Тому одно (одно) мгновение» — это только переводы! А сколько реминисценций из Корнуолла! Они пронизывают «Маленькие трагедии», «Домик в Коломне», 8-ю главу «Онегина», лирику.

Это свидетельство радостного открытия Пушкиным нового, очень близкого поэта, от которого исходят такие сильные волны поддерживающей, спасающей энергии. С воздушной сверхчувствительностью Пушкин понял, что этот мощный поток энергии от поэзии Корнуолла — для него. Будучи знаком смерти для Корнуолла—Скорпиона. Близнец Пушкин имел полное астрологическое право безвозмездно вытягивать из него любое количество энергии (не забудем, что Скорпион — самый энергетически мощный знак). С чисто воздушным vampirством Пушкин начинает тянуть эту энергию, заряжаться ею, возвращаться к вере и жизни. У Корнуолла есть все, что необходимо Пушкину в кризисную Болдинскую осень, чтобы выжить, чтобы не сойти с ума, чтобы не замолчать. И Корнуолл все это отдает Пушкину. Спасает его...

А дальше? 27 января 1837 года. Последнее письмо поэта: «Покраем чести имею препроводить к Вам (детской писательнице А. О. Ишимовой. — О. К.) Barry Cornwall. Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переведите их как умеете — уверяю вас, что переведете как нельзя лучше».

«Современник» с переводами выйдет уже после смерти поэта. Перевела как сумела...

А Корнуолл? Он прожил долгую жизнь: до 1874 года. Но 1837 год и для него, не знавшего о судьбе русского поэта, столь личностно воспринимавшего его творчество, стал переломным. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что прекратился поток энергии от живого Пушкина. Ведь Близнецы не только сильные вампиры (кстати, как самый легкий знак они и энергию тянут легко и безболезненно, поэтому им, как правило, отдают ее с радостью), но и самые бескорыстные доноры. То, что вытянули, они тут же отдают: главное для них — коммуникация. Корнуолл не знал о существовании Пушкина, а тот влиял на него очень сильно: поток легкой воздушной пушкинской энергии, положительно заряженной, устремлялся к Корнуоллу и делал его и без того сильное поле еще сильнее. А после 1837 года Корнуолл не создал сколь-нибудь значительных художественных произведений...

Вот такая странная мистическая связь двух Поэтов, живших далеко друг от друга, формально не знакомых...

На днях, 21 ноября, Корнуоллу исполнилось 205 лет. «Мне хотелось бы познакомить русскую публику с произведениями Barry Cornwall», — писал Пушкин 25 января 1837 года. Скоро, совсем скоро мы услышим по радио песни на его стихи, сможем побывать на научной конференции, посвященной его творчеству, взять в руки томик его произведений.

Пью за здравие Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один, без гостей
Пью за здравие Мери...
(Пушкин — «Из Barry Cornwall», Болдино, 1830. Ноябрь).

Ольга КУЛАГИНА.

Заказ № _____ стр _____
Всероссийская Государственная Библиотека
Иностранной Литературы
Отдел микрофильмирования и ксерокопирования
Выход паяшен

Барри Корнуолл. Гравюра из книги «Избранные произведения Мильмана, Боулса, Вильсона и Барри Корнуолла» (Париж, 1829 г.).